

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

А. М. Кайгородов

СВАДЬБА В ТАЙГЕ

Свадьбы эвенков, которые до недавнего времени кочевали в Маньчжурии в пределах Трехречья и р. Быстрой с ее притоками¹, бывали обычно летом — время самое свободное у охотников. Однако у русских поселенцев Трехречья, с которыми эвенки находились в дружбе и вели меновую торговлю, именно лето было самой жаркой порой. Даже самые заядлые русские охотники-промысловики летом не заходили далеко в тайгу, а тем более в район р. Быстрой, где кочевали эвенки и до которой было по крайней мере четыре-пять дневных переходов, если считать от поселка Дубовая².

Вот почему никому из русских Трехречья, хотя они и поддерживали связи с эвенками более полувека, не приходилось бывать на свадьбах охотников, и только мой отец, которому летом 1940 г. посчастливилось быть на богатой свадьбе эвенка из рода Сологоновых, представляет редкое исключение.

Свадьба произвела на отца большое впечатление, и он часто о ней рассказывал. Его рассказ я слышал десятки раз и теперь попытаюсь пересказать от первого лица. Для меня эта задача в какой-то степени облегчается тем, что эвенков и те места я хорошо знал, а камланье шаманки Ольги Дмитриевны Кудриной сам наблюдал несколько раз.

У каждого народа есть свои нравы и обычаи. Есть они (точнее были) и у эвенков Трехречья³. Для последних было характерно заканчивать любое торжество, в том числе и свадебное, всеобщей потасовкой — церемонией, по нашим понятиям, отнюдь не красочной, а по отношению к хозяевам, мягко говоря, бестактной. Тем не менее именно потасовка служила у эвенков признаком того, что торжество прошло на высоком уровне, что гости остались довольны хозяевами, а хозяева — гостями.... Когда я прибыл на стойбище родителей невесты⁴ (где по этикету эвенков должно было начаться свадебное торжество), большинство гостей было уже в сборе: семнадцать взрослых мужчин и около десятка женщин. Стойбище казалось непривычно шумным и оживленным.

¹ См. А. Кайгородов, Эвенки в Трехречье (по личным наблюдениям), М., «Сов. этнография», 1968, № 4.

² Пос. Дубовая — самый верхний населенный пункт по Дербулу (одной из трех рек Трехречья), с жителями которого эвенки поддерживали связи.

³ По последним сведениям, по отношению к эвенкам проводится политика насильственного окитавания, и о соблюдении старых обычаев теперь говорить не приходится.

⁴ Отец был приглашен на свадьбу родителями жениха, которых он встретил у устья Джин за три дня до свадьбы.

Могучий туман, какие часто бывают в июле по р. Быстрой, рассеялся, и все с нетерпением посматривали вверх по реке, откуда должна была появиться на своих оленях главная гостья — шаманка.

Поздоровавшись со всеми за руку, в том числе и с ребенком в люльке (как это принято у эвенков), я осмотрелся кругом...

Стойбище родителей невесты находилось на высоком левом берегу Быстрой, здесь неширокой, но необычайно стремительной и порожистой. Справа, рядом со стойбищем, было большое озеро, берега которого поросли голубзатым камышом и высоким, выше человеческого роста, пырьем ядовито-зеленого цвета. За озером шел неширокий, по всем признакам болотистый луг, а еще дальше начинался пологий склон угрюмой лесистой горы.

Правый берег реки представлял изумительную по красоте картину. Высокие горы вплотную подходили к воде, их крутые склоны местами поросли соснами, кое-где на невероятной крутизне громоздились огромные глыбы, готовые, казалось, вот-вот сорваться и с грохотом полететь в реку. Красоту природы дополняли тускло поблескивавшие под лучами яркого солнца каменистые россыпи, обрамленные густыми зарослями горного папоротника.

Стойбище состояло из двух чумов и одной односкатной палатки. Один из чумов, довольно большой, снизу доверху был крыт кусками только что содранной бересты. Рядом с ним аккуратными рядами лежали седла, поты (сумы) и прочий хозяйственный скарб. Второй чум был несколько меньше и крыт от основания новыми свитками вываренной бересты, а в верхней части тонким, не успевшим полинять брезентом. Рядом лежало все необходимое для выюков на четырех оленей. Нетрудно было догадаться, что этот чум со всем скарбом, находящимся около него, предназначался в качестве приданого невесты.

Выбор места под стойбище был явно неудачным, так как утром и вечером здесь, видимо, появлялось несметное количество мошкеры и комаров, да и корма для оленей было мало. В первый момент это вызвало удивление и никак не вязалось с эвенками, до тонкости знавшими особенности таежной местности. Однако вскоре я узнал, что свадебный ритуал эвенков предусматривает определенную отдаленность стойбища невесты от стойбища жениха, которое должно быть расположено выше по течению реки (ручья). Разумеется, такое правило распространяется только на дни свадебных торжеств. Вот почему родителям невесты на этот раз волей-неволей пришлось остановиться именно на этом месте. Другое дело зима. Зимой эвенки останавливались здесь, видимо, нередко, так как не доходя сотню шагов до стойбища, я увидел несколько остовов зимних чумов, а на четырех росших поблизости лиственницах была сооружена сайва⁵. Скорее всего, эвенки зимой охотились здесь на выдру, так как близость реки и озера — идеальное место для зимовки этого зверька.

Между тем становилось нестерпимо жарко... К стойбищу с утренней кормежки возвращалось большое стадо оленей, сопровождаемое звоном колокольчиков и стуком колотушек, прикрепленных к шее каждого оленя. Женщины поспешили разложить дымокур. Невеста и ее мать хлопотали около огня, на котором в трех огромных котлах из тонкой жести варились большие куски оленины, а в некотором удалении от сильного жара аккуратными рядами стояли уманы⁶, которые женщины время от времени поворачивали. Нетерпение гостей, которым явно хотелось скорее начать пиршество, все нарастало. Шаманка же, как нарочно, все не появлялась. Некоторые, особенно нетерпеливые, уже начали выска-

⁵ Сайва — небольшой амбарчик, высоко поставленный на трех — четырех гладкоствольных деревьях. В нем хранятся охотничьи припасы, одежда, продукты. Амбар этот недостижим для хищников и прежде всего россомахи и рыси.

⁶ Уманы — кости ног сохатого и изюбря. Ценны костным мозгом. Уман — любимое блюдо эвенков.

зывать предположение, что Ольга Дмитриевна (так звали шаманку) не приедет, что пора «начинать».

Наконец со стороны стойбища жениха показалась цепочка навьюченных оленей, впереди которых шел приземистый мужчина в рыжих арамузах⁷, а на олене с огромными ветвистыми рогами, шедшем впереди других, восседала женщина во всем черном. Гости и хозяева оживились, так как это, без всякого сомнения, были шаманка и ее муж Николай Гаврилович. На стойбище стало шумно и весело. Невеста и ее мать начали расстилать по земле свежие листы бересты, расставлять чуманы⁸, деревянные чашки и ложки.

Шаманка и ее муж, быстро развьючив оленей, стали вместе с гостями усаживаться вокруг огромных котлов с олениной. Гости садились прямо на землю, подгибая по-турецки ноги, и только я да шаманка удостоились особой почести — нам постелили каламаны⁹.

Когда гости расселись, отец невесты принес в трех чайниках разведенный спирт и с помощью невесты (ее звали Катей) налил всем по полной чашке. Гости, в их числе и жених, стали наполнять чуманы кусками дымящегося мяса, и только за мной поухаживала невеста: в мой объемистый чуман она положила три таких куска, которых любому взрослому человеку вполне хватило бы на два дня.

Одета невеста была по-праздничному — в голубое шелковое платье, в легкие унты, искусно расшитые разноцветными нитками. Несмотря на жару на голове ее был белый платок с яркими голубыми и красными цветочками.

Я ожидал, что кто-нибудь из родных или гостей произнесет тост, но ни тоста, ни поздравлений не последовало. Не было их и позднее, если не считать обычного пожелания эвенков «будем (з)доровы!», которое каждый произносил скорее только для себя и почему-то обязательно по-русски. Каждый из охотников, прежде чем выпить, подходил к огню и сплескивал несколько капель драгоценной влаги на пламя костра, выполняя ритуал поклонения силам природы. Я тоже, как и они, подошел к огню и выплеснул несколько капель из своей мастерски сделанной из нароста дерева чашки с затейливой ручкой в виде головы оленя. Осушив чашки, эвенки, в противоположность мне, не спешили закусывать мясом, зато каждый из них привычным жестом вытер губы рукавом рубахи.

После «первой рюмки» последовала вторая, затем третья. Теперь уже спирт разливали не хозяева, а сами гости. Хозяйка следила только за тем, чтобы чайники не стояли пустыми. Оставшееся мясо свалили в один котел, а в освободившиеся заложили (опять же большими кусками) новые порции оленины. Ели эвенки не спеша, пища, казалось, не очень их интересовала, между тем к вечеру, как я смог убедиться, было съедено огромное количество мяса и уманов.

В программе свадебного гулянья торжество на стойбище невесты должно носить, так сказать, предварительный характер. Главное торжество должно быть на следующий день в чуме жениха. Однако уже и сегодня гулянье было в полном разгаре. Чайники непрерывно ходили по рукам, и пошатывающийся отец невесты едва успевал разводить все новые порции спирта. Солнце дополняло действие спирта, и многие эвенки вскоре захмелели. Мне уже стало казаться, что вот-вот гости

⁷ Арамузы-ноговицы, надеваются на ноги, сверху они ремешками привязываются к поясному ремню, внизу соединяются с мокасинами. Делаются из замши, камоса (шкуры с ног сохатого или изюбря), или из шкуры летней косули.

⁸ Чуман — посудина из бересты. Бывает разной величины и формы: квадратной или продолговатой. Из маленьких чуманов пьют чай, большими пользуются вместо тарелок и блюд.

⁹ Каламан — коврик, сшитый из частей шкурок, снятых с лобовой части черепа, и отороченный кусочками разного меха. Бывают очень красивыми. У русских пользовались большой популярностью.

начнут «благодарить» хозяина за прием, однако, к своему удивлению, я вскоре заметил, что эвенки, словно по команде, перестали пить вино и большинство их переключилось на крепчайший чай, который всегда действует отрезвляюще.

Я обратил внимание на то, что во время веселья жених и невеста не сидели рядом и вообще их отношения ничем не выделялись. Друг за другом они не ухаживали и казались только знакомыми между собою людьми. На свадьбе было несколько молодых людей и девушек, однако никакой обособленности от взрослых я не заметил. У эвенков Трехречья судьбу молодых решали их родители, и это, вольно или невольно, наложило свой отпечаток на поведение молодежи. Более того, сколько я ни прислушивался к разговорам гостей и хозяев, никто из них не говорил ни об этой свадьбе, ни о жизни молодых после свадьбы. Не было ни советов, ни пожеланий.

Я незаметно удалился в чум родителей невесты и прилег отдохнуть. В тени было хорошо и прохладно. Часа через два меня разбудил жених. Оказывается, вскоре после того, как я ушел, охотники хватились меня и некоторые пошли искать след, решив, что я сбежал. Бедный жених и невеста приуныли, сочтя мой поступок несчастливым предзнаменованием, однако поискать меня в чуме сообразили лишь часа через два.

Солнце клонилось к закату, и жара стала постепенно спадать. Эвенки с шутками и смехом снова стали усаживаться вокруг котлов, снова по рукам заходили чайники со спиртом. Невеста и ее мать брали от костра готовые уманы, топориком аккуратно разрубали их и по одному клали перед каждым гостем. Кроме уманов и мяса перед гостями появилась целая гора оладий. Выпив по две чашки спирта и отведав уманов, гости и хозяева стали танцевать «хоро». Взявшись за руки, как в нашем хороводе, эвенки, а среди них и я, стали «танцующей» походкой делать несколько шагов сперва в одну, потом в другую сторону. Когда нужно было поворачивать, танцующие останавливались, по несколько раз ударяли в ладоши и выкрикивали хором «хоро-хоро-хоро!». Танец несложный и скорее однообразный, однако охотники его очень любят, и когда собираются вместе, непременно пляшут.

Перед заходом солнца стойбище было атаковано несметными полчищами комаров и мошкар. Женщины разложили из древесного гнилья три огромных дымокура: два для оленей, один для нас. Танцы прекратились, но выпивка продолжалась. Вскоре, однако, эвенки начали укладываться спать. Многие — тут же на земле, другие куда-то брели, спотыкались и падали.

Я прилег около огня, радуясь благополучному исходу дня. Вскоре на стойбище стало тихо. Тишина ночи нарушалась только всплесками реки, да изредка со сна вскрикивали пьяные гости.

Утром следующего дня меня разбудили олени. А так как я порядком озяб, то быстро вскочил со своей немудреной постели. Более десятка грациозных животных с большими ветвистыми рогами с жадностью собирали с земли крошки хлеба и рассыпанную соль, наступая при этом на руки и ноги спящих охотников. Стоял такой густой туман, что, казалось, земля никогда не освободится от этого влажного покрывала. Трава и все предметы на земле были мокрыми.

Охотники спали богатырским сном. Никогда не забуду этого зрелища... Мужчины и женщины лежали на земле в самых разнообразных позах. Большинство лежало скрючившись, положив руку под голову. Одну женщину сон свалил на самом берегу реки, она лежала так, что ноги висели над обрывом. Немолодой эвенк лежал, перевалившись через толстое полусгнившее бревно. Шаманка, которая вчера, как и все, изрядно выпила, уснула в позе «земного поклона», а ее супруг Николай Гаврилович свалился около дымокура так, что мокасины его покروбились, а штаны оказались прожженными во многих местах. Молодой эвенк, ровесник жениха, скатился в озеро и лежал в воде, и только

голова его со всклокоченными длинными волосами уютно покоилась на широкой кочке, густо поросшей мягкой осокой.

Первой проснулась и отогнала от стойбища оленей Катя. Затем пробудились — и ее родители, а вскоре около огня стали собираться и остальные эвенки. Женщины начали разводить дымокур и кипятить чай. Жених и его родные сразу же ушли на свое стойбище. Уходя, жених пояснил мне, что сегодня должно состояться главное свадебное торжество, и очень просил (почему-то только меня) обязательно быть на его стойбище.

Спирт и мясо никому не предлагали (видимо, не положено по этикету), зато все с огромным наслаждением пили чай. Молодой эвенк, который ночевал в воде, стоял около костра, и пар валил от его мокрой одежды. Он шутил и весело смеялся, да и все остальные были в отличном настроении.

Между тем один эвенк, по прозвищу Усаткан, все не появлялся. Я предложил гостям пойти на поиски. Однако отец невесты уверенно заявил, что опасаться не следует, так как Усаткан наверняка спит в сайве, где дует освежающий ветерок и нет комаров. Каково же было мое удивление, когда подойдя к сайве, я увидел охотника, осторожно спускавшегося на землю. Непостижимо, как сумел совершенно пьяный эвенк подняться на такую высоту по голому стволу дерева, куда не под силу вкларкаться ни рыси ни россомaxe!

Минут через тридцать после ухода жениха и его родителей невеста и ее мать начали разбирать чум, который, как я уже говорил, предназначался в качестве приданого. Они аккуратно свернули в рулоны вываренную бересту и уложили ее в поты. Туда же положили постель, одежду и прочие вещи, предназначенные в приданое невесте. Тем временем ее отец привел четырех оленей и, когда все необходимое было уложено в сумы, стал выючить животных. Я не мог не обратить внимания на то, что все предназначенное для приданого было сделано с большим вкусом и хорошо украшено.

Гости, приехавшие на оленях, тоже выючили своих животных. Было похоже, что все стойбище готовится к дальнему переходу, между тем как до чума жениха было не более одной версты.

Густой туман в русле реки стал постепенно рассеиваться, но тайга, казалось, никак не хотела расставаться с ним и упорно удерживала около себя тяжелые свинцовые клочья. В том месте, где было солнце, туман казался прозрачным, с розовым оттенком, отчего краски на земле приобрели нежно-розовые тона. Неописуемо красивое зрелище в то утро представлял голец, величаво вырисовывавшийся на горизонте. Неприступная его вершина была все еще в тумане, но лучи восходящего солнца заливали ее розовым светом.

Однако приподнятое настроение эвенков, готовых тронуться в путь, объяснялось не только чудными красками этого утра...

Первыми тронулись в дорогу олени невесты, которых повел ее отец. Невеста, ее мать и брат шли следом за выючным караваном, за ними — караван шаманки и, наконец, олени гостей. Шествие замыкали гости, которые прибыли на свадьбу без оленей. Среди последних находился и я.

Тропа (аргиш) шла берегом реки. Справа тянулось озеро; несколько выводков диких уток с любопытством поглядывали на нас, не проявляя особенного беспокойства. Там, где в Быструю впадали мелкие речушки, местность была болотистой, и нам приходилось прыгать с кочки на кочку. Я несколько раз попадал в воду, в то время как охотники проходили эти места не замочив ног. Местами аргиш шел колючим кустарником и опять-таки только один я поцарапал себе лицо, руки да еще вдобавок порвал одежду.

Вплотную к стойбищу жениха проследовал только караван невесты,

остальные гости остановили своих оленей шагов за двести до чума жениха. Так как со мной не было оленей, то я прошел прямо к чуму.

Жених, его родители и остальные члены семьи вышли невесте навстречу и поздоровались с Катей и ее родителями за руку, и мать жениха тут же благословила молодых иконой. Затем невеста и ее мать быстро развьючили оленей, вьюки аккуратно сложили несколько в стороне от чума родителей жениха. В одно мгновение был сооружен новый чум и это означало, что появилась новая, отдельная семья охотников. Когда олени были развьючены, к ним подошел жених и небольшим охотничьим ножом сделал на ушах животных новую, уже свою, мету¹⁰.

...Гости, отпустив на волю оленей, с серьезными лицами толпились около огня. Перемена в их настроении была понятна: шаманка стала готовиться к камланию. Она одела черное платье простого покроя (несколько просторнее, чем было на ней), прожженное во многих местах, и стала распускать волосы.

Я присел на большой камень под тенистым кустом и не без смущения стал наблюдать за готовящейся церемонией, которой в обязательном порядке сопровождаются торжества у эвенков. Камлание шаманов мне приходилось видеть не один раз и глядя на это страшное зрелище, я всегда испытывал безотчетный страх. Сегодня же для волнения были основательные причины: в глухой, дикой тайге я один русский среди эвенков, и стоит шаманке сообщить своим соплеменникам, что для счастья молодых «духи велели убить русского», как приговор мог быть приведен в исполнение. К счастью, этого не случилось.

Шаманка извлекла бубен, который, как я потом убедился, представлял собою решето, плетеное из конского волоса. Бубен был своеобразно украшен: к обечку прикреплялись многочисленные бубенчики из желтой меди с разноцветными ленточками и кончиками белых хвостов.

Эвенки — гости и хозяева — расселись широким кругом на земле и молча ожидали начала камлания.

Шаманка резким движением руки отбросила прядь волос на лоб, окинув присутствующих ошалелым взглядом. Затем так же резко одела бубен на голову, поддерживая его правой рукой. Прокатившееся по горам эхо бубенцов, похожее на отдаленный вой стаи голодных волков, показалось мне зловещим.

Какое-то мгновение она, закатив под лоб глаза, оставалась неподвижной. Потом медленно, как будто через силу, засемила вокруг костра, сделала один круг, потом вдруг запрыгала, сперва на левой, потом на правой ноге. Движения с каждой минутой становились все более быстрыми и резкими... Сорвав с головы бубен, старушка резко ударила в него, и тут началось что-то неопишное: она то прыгала на одном месте, то пускалась в своеобразный пляс вокруг костра, остревенело колотила в бубен, диким гортанным голосом зывала к духам... Многие эвенки, глядя на это зрелище, тоже начали приходить в экстаз. Они повскакали со своих мест и дикими голосами, тараща покрасневшие глаза, стали подвывать шаманке. Один из них, кажется Усаткан, сперва завыл, потом запричитал, а его брат Федор стал издавать звуки, напоминавшие истерический смех.

Со страхом ожидал я конца этого представления. У меня не было желания ни выть, ни причитать, но не скрою, что хотелось без оглядки бежать из этого места.

Постепенно движения старушки становились все более вялыми, было видно, что силы начинают покидать ее. Голос сделался хриплым, с лица градом катился пот. С трудом обойдя вокруг костра в последний раз, она странно взмахнула руками, как бы стараясь ухватиться за

¹⁰ Эвенки метят оленей специальными надрезами на ушах или прожогами на копытах.

что-то в воздухе, и с тяжким стоном рухнула на землю. Бубен с глухим звоном покатился в сторону.

Эвенки повскакали со своих мест и плотным кольцом окружили лежащую на земле женщину. Я тоже подошел ближе; лицо ее было влажно, землисто-серого цвета, она изредка вздрагивала всем телом и с трудом ворочала распухшим языком. Эвенки замерли, стараясь не пропустить ни одного ее слова. Я тоже стал прислушиваться, но понять ничего не мог... Позднее отец жениха пересказал мне содержание ее слов, которое сводилось к следующему: духи обещают счастье молодым величиной с Окольдой¹¹, на свадьбу они прислали медведя, которого убил русский (!), будет пятеро детей, двое из них родятся по Быстрой, а трое по Кырэн¹², и т. п. Шаманка не отличалась большой фантазией, и подобные ее «предсказания» я слышал и на предыдущих камланиях.

Минут через пятнадцать шаманку оставили в покое. Бедная старушка продолжала лежать под горячим солнцем, и мне с трудом удалось уговорить охотников отнести ее в чум. Когда я поставил около нее чуман с холодной речной водой, она с жадностью осушила всю посудину и снова в полусознании откинулась назад. Только к вечеру, когда пир уже подходил к концу, женщина пришла в себя.

Эвенки оживились. Точно гора свалилась с плеч. Началась активная подготовка к пиршеству. Был заколот и буквально за пять минут освежеван крупный олень белой шерсти. В большие котлы закладывалась медвежатина, оленина и еще что-то...

Гости и родные, как и вчера на стойбище невесты, расселись широким кругом вокруг чуманов, наполненных мясом. В центре «стола» красовалась голова медведя, сваренная целиком, и страшный оскал пасти с прикушенным языком был направлен как раз в мою сторону. Снова, как и вчера, деревянные чашки (более объемистые) наполнили разведенным спиртом. Однако начало трапезы должно было ознаменоваться новой церемонией, на этот раз связанной с медведем, которого убил старший брат жениха за два дня до свадьбы. Убил, совершенно случайно напоровшись на зверя в тот момент, когда последний жировал на ягоднике, а эвенк возвращался домой после неудачной охоты на сохатого. Разделенная туша огромного хищника висела над небольшим дымокуром.

Эвенки выпили по чашке спирта, но перед тем как приступить к еде, стали выкрикивать заклинания, суть которых сводилась к тому, чтобы снять с себя ответственность за смерть медведя.

«Медведь, медведь,— разом закричало несколько голосов,— это не я тебя убил, а другой, ... русский!» (вину за убитого медведя они обычно сваливают на русских охотников). При этом по этикету положено поносить «убийцу» медведя разными бранными словами и ругательствами. Но, так как я хорошо понимал их язык (и эвенки это отлично знали), то ругая меня за медведя, они были весьма умеренными. «Медведь, медведь, это не я тебя убил, а русский! Он никуда не годный охотник, ленивый, плохо стреляет, только спать, да мясо есть, да вино пить любит!»—выкрикивали заклинанья эвенки, съедая при этом кусочек мяса от головы. Интересно заметить, что женщины выкрикивали заклинанья визгливыми срывающимися голосами, в которых чувствовался неподдельный страх. И «брань» в их заклинаниях была более резкой и злой, чем в выкриках мужчин.

Чтобы скорее покончить с церемонией, я громко закричал: «Медведь, медведь, это я тебя убил! Я никуда не годный охотник, а эвенки хорошие охотники, спать не любят и вина никогда в рот не берут!».

¹¹ Окольдой — голец, самая высокая гора в бассейне р. Быстрой, видимая со стойбища жениха и невесты.

¹² Кырэн — приток Быстрой.

Трудно описать восторг, в который пришли охотники после моего заклинанья. Настоящий «убийца» медведя даже полез ко мне целоваться. Началась попойка, подобной которой мне никогда не приходилось видеть.

Этот день показался мне необычайно долгим. Было выпито очень много спирта и съедено огромное количество мяса. Замечу, кстати, что стол на свадьбе жениха, семья которого жила в достатке, был богат и разнообразен. Гостям была подана медвежатина, оленина вареная и оленина жареная на прутиках (вроде нашего шашлыка), отварная губа сохатина и сычуг¹³, зажаренная на углях косулятина (по вкусу тоже напоминает шашлык), сырая печень косули и печень сохатого, слегка зажаренная на прутиках, вареные глухари и тетерева, белка и заяц, зажаренные на углях таймень и ленок. Последнее блюдо было очень вкусным, и я с удовольствием съел несколько рыбин. Было напечено много оладий, приготовлены большой чуман мелко порезанного и подсолненного лука (дикого), несколько чуманов голубики и жимолости, ну и, конечно, уманы — любимое блюдо эвенков. Как мог я заметить, эвенки больше ели уманы, медвежатину и сырую печенку. Меньше оленину, губу и сычуг, к остальным блюдам почти не прикасались, а что касается рыбы, лука и ягод, то, как сообщила мне невеста, они были приготовлены исключительно для меня. У эвенков подобные вещи не пользуются большой популярностью.

Между подвыпившими эвенками время от времени завязывался спор. Однако дело кончалось тем, что спорившие брали луки или самострелы и устраивали небольшие соревнования. Но так как все были пьяными, то стреляли плохо.

Я, как и вчера, потихоньку удалился, искупался в холодной реке и прилег на каламан под тенистым кустом. День был таким жарким, что даже в тени не было прохлады. Проспал я, точнее пролежал, часа три с половиной и когда встал, то заметил, что небо над правым берегом Быстрой затянуто тяжелыми тучами, кромки которых золотились на солнце. Около огня несколько эвенков пили чай, другие подходили к костру, как видно, тоже после сна. Сильно пьяных не было, если не считать одной женщины, которая лежала под кустом, широко раскинув руки.

Снова расселись по своим местам и началась выпивка. Стало прохладнее, и чайники заходили по рукам с удвоенной энергией. Эвенки становились все возбужденнее. Споры завязывались поминутно и по каждому пустяку. Было очевидным, что дело клонится к потасовке. Зачем-то привели собак, и один пьяный гость (тот, что ночевал, перевалившись через гнилую валежину) начал проверять их охотничьи качества. Но так как это были не щенки (охотничьи достоинства которых эвенки проверяют, подняв щенка за шиворот и прислушиваясь, каким «голосом» тот заскулит), а взрослые псы, то один из них тут же укусил «исследователя».

Не успел я подумать о том, как бы отвести драку, как молодой эвенк (тот, который ночевал в воде) размахнулся и с силой ударил по уху сидевшего напротив жениха. Другой эвенк (отец невесты) в тот же миг схватил отца жениха за ворот рубахи и расплосовал последнюю сверху донизу. Между тем брат жениха (тот, что убил медведя) сильным ударом повалил на землю гостя, который подходил к нему со сжатыми кулаками. Усаткан и его брат Федор сидели рядом и вдруг, как по команде, вскочили и начали наносить друг другу удары... Началась безобразная потасовка. Эвенки, которые, казалось, не в состоянии были подняться с мест, повскакали и начали без разбора потчевать друг друга тумаками. Женщины с визгом сорвались с мест и броси-

¹³ Сычуг — часть желудка жвачного животного. Любимое кушанье эвенков.

лись бежать в сторону леса, а те, что замешкались, получали удар кулаком и хороший пинок. Жених устремился было к невесте, но я подставил ему ножку, и парень распластался по земле, а Катя успела убежать. Шаманка, которая снова успела изрядно напиться, получила хороший пинок и не от кого-нибудь, а от собственного супруга.

Солнце между тем скрылось за горизонтом, быстро темнело. Гости старались выразить свою признательность хозяевам не только кулаками... Угрюмая тайга, притихшая перед грозой, неожиданно огласилась диким ревом. Было похоже, что на стойбище ворвался стадо разъяренных медведей. Люди кричали, били того, кто попадал под руку, без всякого разбора...

В драке я, естественно, участия не принимал и опасался только, как бы эвенки не пустили в ход ножи и ружья. Однако мои опасения были напрасны. Оказывается, этот «церемониал» эвенков строго запрещает применение не только оружия, но и палок, камней и т. п.

Трудно сказать, сколько времени продолжалось бы побоище, если б не дождь... Он начался неожиданно и через минуту перешел в страшный ливень. Тайга зашумела, застонала. Я перешел в чум. Молнии, сопровождаемые резкими ударами грома, поминутно полосовали небо, на мгновение освещая стойбище. Но никого из людей, кроме шаманки, неподвижно сидевшей около костра, я увидеть не мог. Наступила крошечная тьма. Мне казалось, что ливень заставит людей вернуться в укрытие, но ничего подобного не произошло — в чум никто не приходил.

Пламя огромного костра оказывало дождю отчаянное сопротивление, но тщетно! Потоки воды, низвергавшейся с неба, вскоре залили его. Дождь перестал так же неожиданно, как и начался, и наступила жуткая тишина, изредка нарушаемая грохотом камней, катившихся с горы на противоположном берегу. С треском обломилось и рухнуло на землю сухое дерево... Было жутко. Только на рассвете забылся я беспокойным сном.

Утром промокшие до нитки, угрюмо молчавшие гости и хозяева собрались около потухшего огня. Всех смущала не беспокойно проведенная ночь, а костер! Он был потушен, а это нехорошая примета, да еще в день свадьбы. И как это я не сообразил до их прихода развести на том же месте новый огонь!

Жениха и его отца ко всему еще смущало то, что я не участвовал в драке. Они подошли ко мне, один с синяком под глазом, второй с распухшим носом и робко спросили: чем же я вчера остался недоволен?

Эвенки, кто напившись чаю (уже сваренного на новом огне), а кто и так, стали быстро собираться и раскочевываться по тайге.